

ВОКРУГ ЦВЕТАЕВСКИХ СТРАНИЦ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ
АРМЕНИИ» 1960-х, С ПУБЛИКАЦИЕЙ ПИСЕМ А. С. ЭФРОН

Н. А. ГОНЧАР

Столетие со дня рождения великого русского поэта Марины Цветаевой переживается, осмысливается, отмечается как выдающееся литературное событие 1992 года не только культурно-читательской средой родной ее России, — через трагедию утраты своих духовных опор и ценностей вышедшей вновь к осознанию их значения, к систематической, ширящейся работе на их возврат, — но и в мировых кругах культуры, литературы, чутко внимающих высоким, «серебряным» голосам русской поэзии XX века. Для всех, кому «говорит» имя Марины Цветаевой, говорит оно тройко значимым символом: трагичности судьбы, героичности духа, гениальности дара и его претворений. В «крае», не берегшем своих гениев и «так» не уберегшем несравненного своего поэта («Так край меня не уберег...»), настал черед — на бесспорные времена — воистину драгоценному духовному и художественному наследию. Книги Цветаевой сейчас издаются, переиздаются, расхватываются, читаются, создаются книги, ей посвященные, ее биография, ее творчество осваиваются литературоведением¹.

Так обстоит дело сейчас — к столетию Цветаевой. Но не так оно обстояло тремя с небольшим десятилетиями раньше, когда вернувшаяся из Туруханского края (после шестнадцати тюремно-лагерно-ссылочных лет) дочь Марины Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон посвятилась тому, что считала своим первейшим и главным делом, а именно — архиву матери и публикации ее произведений, и далее и более того — творческой, толковательной, писательской работе во имя достоверной обрисованности образа Цветаевой и верного постижения смысла и своеобразия ее поэзии.

Дочь Марины Цветаевой — Аля, Ариадна Сергеевна, — 80-летие которой совпало с цветаевским столетием, — была личностью под стать необыкновенной, выдающейся своей матери. Наследственная одаренность, наследственное благородство души, возвышенность и нестигаемость духа, отстоявшиеся в пройденной ею сызмала школе воспитания чувств и труженничества таланта, — эти качества, присущие ей по составу крови и составу культуры, А. С. Эфрон пронесла через выпавшие ей самые суровые испытания. Дочь Цветаевой — дух от духа, дар от дара ее — была с ранних лет сподвижницей своей матери, а в последние два десятилетия жизни, упорно, мудро преодолевая сопротивление времени и обстоятельств, с великим чувством от-

---

¹ Начало этому положено, в частности, серией работ А. А. Саакянц и ее монографией «Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910—1922)», М., 1986, книгами М. И. Белкиной «Скращение судеб» (М., 1988, серия «Писатели и писатели»), А. Павловского «Куст рябины». (Л., 1989), работами В. Орлова, И. Кудровой, В. Швейцер, В. Лосской, Е. Коркиной и др.

ветственности, с сознанием священного долга, со всею отдачей души, памяти и таланта — сподвижнически же! — возвращала цветаевское наследие читателю и воскрешала Цветаеву глубоко выношенными, великолепно писанными страницами своей уникальной по ценности мемуарной прозы. В той области познания русской поэзии и, шире, русской духовности XX века, которую назовут цветаеведением, краеугольный камень положен Ариадной Эфрон, Алей, которой когда-то Цветаева написала: «Были мы — помни об этом в будущем, верно, лихом! я — твоим первым поэтом, ты — моим лучшим стихом». Насколько ж верно здесь все сказалось и предсказалось! Известно, какое будущее претерпела сама Марина Цветаева. По целому ряду публикаций последних лет известно уже и о том, что выпало на долю ее дочери. «Лихое будущее», судьба и образ А. С. Эфрон раскрываются в страницах многочисленных писем, писанных ею близким за шестнадцать каторжных лет с крайнего севера и северо-востока России, писем, вобравших в себя и поразительную энергию ее души и воли, и ее недюжинные творческие возможности, литературный дар, оставшихся нам сегодня как целостное произведение писателя, где правда и поэзия живут в нераздельности².

Об А. С. Эфрон рассказано в посвященном Цветаевой мемуарно-биографическом повествовании-исследовании Марии Белкиной «Скращение судеб» (часть III — «Алины университеты»). М. И. Белкиной после смерти А. С. Эфрон (1912—1975) был собран, подготовлен к изданию том ее воспоминаний, записей, части писем, больше десятилетия ожидавший своего часа. Книга эта (Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери) вышла в свет в Москве в 1989 году.

Как видим, из намеченного выше в самых общих чертах сбылось и обращенное к дочери «помни!», причем именно на уровне той связи, что сформулирована в цветаевских строках: (первый) поэт — (лучший) стих, то есть в сфере творческого усилия и отдачи, творческого действия, взаимо-действия. Вернувшись в середине пятидесятых годов А. С. Эфрон по сути и смыслу всей дальнейшей своей жизни «принадлежала» творчеству Цветаевой, как поэту неотъемлемо принадлежит его стих. И все, что с этих пор было сделано ею и как первоклассным переводчиком поэзии, в частности французской — Бодлера, Гюте, Верлена и др., и как вернейшим посредником между Цветаевой и новыми и грядущими поколениями, явилось выражением не только биографической ее причастности к жизни и творчеству Цветаевой, что уже само по себе значительно, но и духовно-творческого участия в них, чем определяется уже качественно иное, литературное значение личности А. С. Эфрон.

² См., в частности: Из переписки Ариадны Эфрон и Бориса Пастернака (1948—1957 гг.) — «Знамя», 1988, №№ 7—8; Письма Ариадны Сергеевны Эфрон — «Нева», 1989, №№ 4—6. См. также об этих публикациях: Алексей Зверев, «Тайна душевного зерна». — «Литературное обозрение», 1989, № 12, с. 67—71. К указанному добавим выдержку из письма Б. Пастернака от 5 дек. 1950 г.: «...Жизнь, передвижения, теснота квартир научили меня не загромождать жилья, шкапов и ящиков стола книгами, бумагой, черновиками, фотографиями, перопиской. Я уничтожаю, выбрасываю или отдаю все это, ограничивая рукописную часть текущей работой... Когда меня не станет, от меня останутся только твои письма, и все решат, что кроме тебя я ни с кем не был знаком. Ты опять поразительно описала и свою жизнь, и северную глушь и морозы, и было бы чистой болтовней и правдоподобием, если бы я упомянул об этом только ради похвал. Вот практический вывод. Человек, который так видит, так думает и так говорит, может совершенно положиться на себя во всех обстоятельствах жизни. Как бы она ни складывалась, как бы ни томила и даже ни пугала временами, он вправе с легким сердцем вести свою, с детства начатую, понятную и любившуюся липию, прислушиваясь только к себе и себе доверяя. Радуйся, Аля, что ты такая. Что твои алоключения перед этим богатством!» (Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой, с. 378).

«Она была, в сущности, первой, кто познакомил советского читателя с творчеством Цветаевой. А это было тогда вовсе не просто... — пишет М. И. Белкина во вступительном очерке к составленной ею книге. — В те далекие теперь уже от нас годы стихи Цветаевой ходили в списках. Ее первая книга, по возвращении на родину, составленная ею самою в 1940 году и отданная в Гослитиздат, так и не увидела света. И посмертный сборник, составленный ее дочерью в 1955 году, и тоже для Гослитиздата, — не был напечатан. Тяжко было Ариадне Сергеевне работать над тем первым посмертным сборником.

«...Все сиротство написанного ею, но ей больше не принадлежавшего, представало мне во весь рост в каждом стихотворении... Любое, ею созданное, произведение теперь принадлежало всем и никому, оказывалось во власти любых вкусов, пристрастий, отрицаний, конъюнктур, толкований. Каждый... действуя от имени и во имя пока еще мифического «широкого читателя», был вправе нарушать и игнорировать волю автора, его замысел, менять местами краеугольное и второстепенное, клеить ярлыки, за уши притягивать, освещать, приглушать, обходить. Ибо именно в этом, как очень скоро для меня, неискушенной, выяснилось, и заключалась одна из основных задач составителей в лето господне 1955. Впрочем, мне ли, прожившей бок о бок с матерью почти всю ее творческую жизнь, было поражаться несоответствию верблюда и игольного ушка, — таланта и времени?..».

И только в 1961 году в Гослитиздате — это уже после «третьего захода» — вышла книжечка Цветаевой, очень тоненькая и малым тиражом! Но с чисто цветаевским упорством, как говорила Ариадна Сергеевна, помноженным на упорство энтузиастов и любителей поэзии, стихи Марины Ивановны прокладывали себе путь к читателю. Со второй половины пятидесятых годов стали робко появляться публикации в московских и периферийных журналах...³.

Одним из таких, надо сказать, немногих журналов, с «периферии» подключившихся к самому еще первоначальному процессу публикации цветаевских страниц, стал основанный на исходе пятидесятых годов и с 1961 года ежемесячно выходящий в Ереване журнал «Литературная Армения». Поддерживая давнюю и прочную традицию армяно-русского литературно-культурного общения, журнал выполнял не только основную свою установку — представлять на русском Армении и ее литературу, расширяя тем самым круги знакомства с нею, но и проявлял заинтересованность в сотрудничестве русских литераторов и в ценностях русской литературы. Тем более что с Арменией, с армянской темой, мотивами, впечатлениями в русской литературе нашего века оказались связаны ярчайшие творческие личности (достаточно назвать имена Брюсова, Блока, Белого, Волошина, Ахматовой, Мандельштама, Гроссмана), а также в течение лет — многие русские поэты, писатели, мастера художественного перевода, литературные критики, искусствоведы. Богатая фактами, «материалом» история армяно-русской культурной взаимообращенности сама по себе естественно подключала журнал «Литературная Армения» к продолжению традиции, но продолжить ее, конечно же, можно было по-разному, с выходом на тот или другой литературный материал. Своими выборами, своими преподнесениями «Литературная Армения» 1960-х завоевала благодарное внимание распознающего «высокой пробы» литературу читателя. Что касается вычеркнутых на десятилетия и начиная с шестидесятых с такой великой предосторожностью и в таких малых дозах допускаемых к читателю имен и страниц русской литературы, то здесь журнал сознавал определенные преимущества своей периферийности и малотиражности и в течение ряда лет вполне, так сказать, технично использовал эти преимущества для осуществления це-

³ Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой, с. 27.

лого ряда публикаций из непопуляризуемых в центре авторов (или же о них), основываясь на прямой или косвенной связи публикуемого с армянской темой, с лицами, фактами армянской культуры. Так, в частности, пробилась в свет в «Литературной Армении» пресеченная цензурой в «Новом мире» замечательная проза Василия Гроссмана «Добро вам», возвращены были загнанные в забвение стихотворный цикл «Армения» Осипа Мандельштама и его проза «Путешествие в Армению», фрагменты очерка «Армения» Андрея Белого и его писем к Р. В. Иванову-Разумнику, отражающие армянские впечатления писателя, замечательная статья М. А. Волошина о Мартиросе Сарьяне, странички самого Сарьяна о Волошине, рассказы Бунина, воспоминания об Ахматовой и ряд других материалов. Подкрепленные непосредственной связью с тематикой журнала мандельштамовскую и волошинскую публикации «Литературная Армения», применяя уже связь косвенную, обогатила двумя значительными публикациями из Цветаевой — ее прозы о Мандельштаме «История одного посвящения» и прозы о Волошине «Живое о живом» (последнее с неизбежными по тем временам сокращениями). Обе публикации, представленные А. А. Саакянц, состоялись с благословения и при деятельном участии А. С. Эфрон (1966, № 1 и 1968, №№ 5—6). Более того, сложившийся с «Литературной Арменией» добрые отношения побудили А. С. Эфрон к созданию ее малого мемуарного шедевра «Самофракийская победа» — о встрече в Париже Марины Цветаевой и Австрика Исаакяна. Это была первая мемуарная публикация А. С. Эфрон, появилась она в восьмом номере «Литературной Армении» за 1967 год⁴. Ее появление имело немаловажное значение для автора, способствовало дальнейшей «работе воспоминания»; о ценности же этого частного мемуара, с истинно художественной выразительностью связавшего образы двух замечательных поэтов, о ценности этих страниц с точки зрения армянской литературы, культуры говорить не приходится.

Историю, обстоятельства, атмосферу осуществления цветаевских публикаций в «Литературной Армении» 1960-х проявляют страницы хранимых мною писем Ариадны Сергеевны Эфрон. Всего этих писем — 40, писаны с 1965-го по 1974 год. Первые письма, так сказать, рабочего содержания, в дальнейшем, уже после личного знакомства, это все более письма общения — с мотивами и литературными, и внелитературными. Часть писем представляется полностью, а какие-то письма — в извлечениях. Тексты даются с указанием даты, обращения и подписи опускаются.

Относительно своих писем, адресованных в те же годы А. С. Эфрон, считаю нужным заметить, что все они (за исключением первого) отправлялись без оставления копий и в настоящее время недостижимы для меня, ибо оказались среди материалов архива, сданного А. С. Эфрон в ЦГАЛИ и, согласно ее завещанию, закрытого до 2000 года. Замечаю это чисто пояснительно, поскольку не в моих письмах дело, а в письмах А. С. Эфрон, интересных и с точки зрения истории литературы, и как яркое подтверждение тому, что «стиль — это человек».

Ниже следуют тексты писем с предварающим и в меру необходимости сопровождающим комментарием.

***

Контакты журнала «Литературная Армения» с А. С. Эфрон завя-

---

⁴ Позднее «Самофракийская победа» с вступительным словом А. А. Саакянц и с приложением фрагментов из писем А. С. Эфрон ко мне, отражающих историю создания и публикации этого мемуара, была напечатана в изданном Ереванским университетом сборнике: Литературные связи, том 2, Ереван, 1977 К этому изданию и дается отсылка прямыми к «Самофракийской победе» в кн. «Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой».

зались при посредничестве Р. Я. Райт-Ковалевой — известного мастера русского переводческого искусства, переводчика Кафки, Бёлля, Фолкнера, Сэлинджера, Воннегута и др. Р. Я. Райт-Ковалева дважды гостила в Ереване, общалась с сотрудниками журнала, при ее организационном участии и под ее редакцией в «Литературной Армении», в апрельском-майском номерах 1965 года (в связи с 50-летием геноцида армян в Турции) впервые были представлены в русском переводе (Е. С. Фрадкиной) главы сейчас уже широко прочитанного романа Франца Верфеля «Сорок дней Муса-дага». Во время второго пребывания Р. Я. Райт-Ковалевой в Ереване, летом 1965 года, в разговорах вокруг задуманных, желательных, осуществимых для журнала публикаций и стало нам известно о живущей в том же, что и сама Райт-Ковалева, писательском кооперативе на Красноармейской дочери Марины Цветаевой Ариадне Сергеевне Эфрон, к которой и надо бы обратиться, если журнал надумает дать на своих страницах что-то из наследия Цветаевой. Тут же родилась и идея — попросить для «Литературной Армении», готовящейся поместить мандельштамовский цикл, прозу Цветаевой о Мандельштаме. Р. Я. Райт-Ковалева взялась по возвращении в Москву переговорить об этом с А. С. Эфрон и сообщить о ее отношении к инициативе журнала.

В письме от 26.8.65 г. Р. Я. Райт-Ковалева сообщила мне (в те годы работавшей в редакции «Литературной Армении») следующее: «Говорила по телефону с Ариадной Сергеевной... Я ей все сказала, но ей кажется, что сейчас, когда эти воспоминания НЕ ВОШЛИ в сборник, даже в примечаниях, — из-за того, что они недавно опубликованы за рубежом, — печатать их нереально. Впрочем, спишитесь с ней сами... Мне кажется, что она Вам ответит сразу».

Получив на то полномочия от главного редактора журнала Г. М. Боряна, я вскоре обратилась к А. С. Эфрон с письмом, которое, думается, имеет смысл здесь привести — для полноты представления о «завязке» сотрудничества между журналом и А. С. Эфрон. В письме говорилось: «...Вы, кажется, знаете уже через Риту Яковлевну Райт и обо мне, и о журнале «Литературная Армения», в котором я работаю, и о моем желании поместить (с Вашей помощью) в этом журнале статью Марины Ивановны о Мандельштаме. Рита Яковлевна писала мне, что эта идея представляется Вам не совсем реальной, поскольку статья недавно опубликована за рубежом. Но дело в том, что вещи, где-то не совсем реальные, у нас оказываются более или менее возможными. Так было с очерком Гроссмана, который долго и безнадежно лежал в «Новом мире», так бывало и еще. Что касается публикации статьи Марины Ивановны, то у меня на этот счет разработано два варианта. Первый — в связи со стихами Мандельштама об Армении статья о самом Мандельштаме; второй — в начале следующего года у нас устраивается «русский» номер, где наряду с нынешними писателями будет и «наследие». В обоих случаях публикация из Цветаевой вполне (для нас) осуществима. Так что если Вы захотите дать ее — все остальное будет в порядке. В Ереване очень много любителей и поэзии, и прозы Марины Ивановны Цветаевой, а я и многие из моих друзей — попросту собиратели каждой ее строки. Я, кстати, посылаю Вам для знакомства один из последних номеров нашего журнала⁵ — во-первых, чтобы Вы узнали и, так сказать, полюбили его, во-вторых, потому что как раз в этом номере есть статья с рядом, а бы сказала, многозначительных ссылок на Цветаеву и с хорошей цитатой. Может, это будет интересно Вам. Я очень прошу Вас написать о Вашем решении. Если согласитесь, то можно будет дать эту публикацию в первом номере. К тому времени даже забудется, что «за ру-

⁵ Послан был номер седьмой за 1965 г., завершавший, в частности, публикацию очерка В. Гроссмана; статья, о которой речь, — оказавшаяся в том же номере моя статья «Оправдание романтизма».

бежом» и т. п. А может быть, Вы хотели бы предложить что-нибудь другое? Можно и другое — в связи с «русским» номером. Напишите, как и что, на Ваш взгляд, будет лучше... (25.9.65 г.). Практически «сразу» пришел следующий ответ:

«10 октября 1965.

...Я думаю, очерк о Мандельштаме можно дать; для того, чтобы «обезопасить» ту публикацию⁶, можно «вкратить» какие-то разночтения — это, в данной ситуации, допустимо. Рукопись именно этой вещи у меня сохранилась, и можно будет таким образом написать, что «печатается по рукописи». По-моему, это неплохой выход. Таким образом, та публикация останется в стороне.

Если давать, то желательно не дальше 1-го номера буд. года, т. к. есть конкуренты — над которыми я не властна: т. е. есть еще желающие опубликовать эту вещь — но они раньше февраля не раскачают.

Единственное, что мне не понравилось в Вашем журнале — тираж. Мал! — Хороший журнал. Хороша ваша статья. Чудесный Гроссман!

Ответьте мне, устраивает ли Вас вариант «по рукописи»; небольшие комментарии нужны ли?

Всего Вам доброго!..»

Нас, конечно же, не мог не устраивать вариант, продуманный и предлагаемый А. С. Эфрон, с наибольшим чувством ответственности и с наилучшим знанием дела представлявшей читателю наследие Цветаевой.

Публикуемые далее тексты отразят и этапы, оттенки сотрудничества А. С. Эфрон с «Литературной Арменией» 1960-х, и черты времени, обстоятельств, отношений, и черты интереснейшей, значительной личности, что-то от содержания жизни, трудов, раздумий, от стиля работы и стиля общения человека богатой души, умудряющего опыта, высокой культуры. И что, разумеется, очень важно, отразят эти тексты и целый ряд фактов, характеризующих медлительный, трудный процесс воскрешения цветаевского голоса — одного из самых волнующих и прекрасных голосов русской поэзии века.

Итак, письмо 2: «27 октября 1965. ...«Параллельную» публикацию цветаевского Мандельштама, кажется, удалось приостановить, а то и вовсе устранить, с помощью Риты Яковлевны. Я думаю, что небольшую врезку (или примечания, или послесловие, как Вам будет удобнее) к этому очерку я сумею прислать Вам в указанные сроки — к 10—15 ноября. А вот как быть с самим текстом? Я в Москве буду только в конце ноября, и только тогда смогла бы заняться сличением опубликованного текста с архивной рукописью — вставила бы некоторые места, не вошедшие в публикацию. Это Вам слишком поздно. А что, если мы сделаем так — Вы сдадите в набор имеющийся у Вас текст (публикации), так сказать с небольшим «походом», т. е. оставив небольшой—строк на 20—30—резерв свободного места, чтобы в верстке сделать вставки, которые я Вам дошлю в конце ноября—нач. декабря? Разночтения — небольшие; можно будет обойтись без ломки набора — будет всего несколько маленьких вставок. Конечно, в конце концов можно печатать и просто по публикации, ничего «страшного» в этом нет; но все же жаль отдавать «и м» приоритет. Публикация по рукописи все же своего рода первая публикация. Тем более, что речь идет о тексте, напечатанном там совсем недавно, а не о тех, что печатались при жизни матери.

Что Вы об этом всем думаете? Ответьте!

«Врезка» — или как там ее назвать, будет содержать краткие

---

⁶ Имеется в виду первая публикация «Истории одного посвящения» (при жизни М. И. Цветаевой не напечатанной), по белой рукописи, в журнале «Oxford Slavonic Papers» (Oxford, 1964, XI).

сведения о дружбе МЦ с М-м (об их отношениях вообще) — о стихах, посвященных ими друг другу, и т. д. и немножко определит этот очерк во времени и пространстве — если это вообще нужно?

Какой чудесный Гроссман в Вашем журнале!

Всего Вам самого доброго!..».

Письмо 3: «4 ноября 1965, ...посылаю Вам подстрочные примечания к Ист. одного посвящения; м. б. какие-то из них лишние; это — на Ваше усмотрение. Там же — одна замена слова и одна вставка; это все, что я пока, отсюда⁷, могу сделать по тексту. На 1-м экземпляре примечаний — кое-какие соображения относительно возможных, а когда и необходимых сокращений. Завтра вышлю Вам небольшую (1,5—2 стр. маш.) «врезку» — тоже на Ваше усмотрение.

Обязательно пришлите корректуру, чтобы мы смогли сверить весь текст и произвести кое-какие (небольшие) замены по рукописи. Вернем очень быстро...».

Письмо 4: «5 ноября 1965, ...посылаю Вам «врез» к «Истории». Все — на Ваше усмотрение; если что не так — сокращайте, правьте. Корректуру, пожалуйста, шлите по адресу: Москва К-9, ул. Грановского, д. 5, кв. 48, Анне Александровне Саакянц. Это — мой «соавтор», вернее — соратник по Цветаевским делам, к тому же компатриотка (журнала!). Дело в том, что я совершенно не знаю, что со мной будет, и где я сама буду к моменту корректуры. Таруса попала в строящийся карантин по поводу какой-то скотской (к счастью!) эпидемии, когда мы из нее выберемся — неясно; м. б. совсем нескоро. При любых обстоятельствах — буду ли я к тому времени в Москве или в Тарусе — А. А. будет держать со мной связь, телефонную, если не личную, и корректуру «Истории» (к тому же сверенную с подлинником) Вы получите вовремя.

Вам я сообщу о своих передвижениях; но так или иначе имейте в виду именно вышеуказанный адрес.

Примечания к «Истории» выслала Вам вчера сама.

Всего Вам самого доброго!..».

В порядке примечания скажу, что процесс печатания журнала «Литературная Армения» протекал в жестких условиях, диктуемых типографией, высылка корректуры и ожидание ее возврата не практиковались, ибо малейший сбой в отношениях с типографией мог надолго задержать выход журнала, кроме того — осуществление самой этой публикации происходило в очень сжатые сроки, и тем не менее редакция, разделяя с А. С. Эфрон ответственное отношение к публикации «Истории», выслала корректуру на прочтение и сверку.

Из письма 5: «10 декабря 1965 ... простите, что так долго не отвечала: болела, в то же время работала, в то же время принимала меры, чтобы наконец выбраться из цепких объятий карантина, и т. д. /.../ Третьего дня получила телегр. из Ленинграда о том, что книга (в большой серии) вышла⁸, значит скоро должна появиться в магазинах. Тираж в последнюю минуту увеличили с 30 до 40 тыс., но все равно это — капля в море. Надеюсь в ближайшее время перебраться в Москву, о чем Вам сообщу; пока же держите связь с А. А. С., которая все сделает и в курсе всего; если во «врезке» осталась фраза о дружбе через «тысячи разъединяющих верст», смените, пожалуйста, «тысячи» на «сотни развед. верст», т. к. меня угораздило перепутать цитату из стихотворения. Простите за такую (случайную!) небрежность! Всего Вам доброго — Вам и иже с Вами!..».

Предвидя повышенный интерес литературных кругов к первой

⁷ Т. е. из Тарусы, где А. С. Эфрон проживала какую-то часть года.

⁸ Имеется в виду вышедшая в свет в 1965 г. кн.: Марина Цветаева. Избранные произведения. Вст. статья Вл. Орлова. Составление, подготовка текста и примечания А. Эфрон и А. Саакянц. серия «Библиотека поэта», М.—Л.

книжке журнала за 1966 год с публикациями из Мандельштама и Цветаевой, редакция, при очень скромных ее возможностях, заказала тем не менее типографии две сотни экземпляров за свой счет, с тем чтобы иметь свой резерв для рассылки. В первую очередь, конечно же, номера журнала посланы были «соавторам» цветаевской публикации А. С. Эфрон и А. А. Саакянц.

Письмо 6: «20 марта 1966 .. простите за такое неприлично долгое молчание; не буду оправдывать его ни болезнями, ни занятостью, ибо всё заняты и всё больны, и тем не менее находят время на письма... Так получилось, не сердитесь, пожалуйста. Мы тут все тоже очень рады мандельштамовско-цветаевскому номеру Лит. Армении (и так же прощаем ей опечатки вольные и невольные, как господь бог — иногда — нам наши!). Интерес к этой публикации — опромный, но журнал достать еще мудренее, чем цв(етаевскую) книгу! Там хоть спекулянты могут выручить, а тут и им журнал недоступен. Т. ч. присланные Вами номера (за к-ые большое спасибо!) разлетелись, как можете себе представить, в одно мгновение. Один из них (номеров) отправила в Коктебель, Марии Степановне Волошиной, вдове поэта, от к-ой уже получила восторженную благодарность, каковую и делю с Вами. Не забыли ли Вы послать номер вдове Мандельштама, Надежде Яковлевне Мандельштам? На всякий случай вот ее адрес /.../

Поехала «Лит. Армения» и в Мексику, и во Францию, и в Швейцарию, к маминным друзьям, последним ее (и М-ма) современникам.

Кстати, не хотите ли, чтобы я для вас написала крохотную (вероятно, странички на 3—4) заметочку — воспоминание о встречах (в Париже) МЦ с вашим поэтом А. Исаакяном? Помню, к сожалению, немного, но — что помню, то помню. Я думаю, каждая крошка о нем дорога; так или иначе, надо будет записать.

С Р(итой) Я(ковлевной), хоть и живем друг от друга на расстоянии взгляда и голоса, совсем почти не видимся, только иногда переговариваемся по телефону. Она на днях собирается в Грузию, встряхнуться и набраться солнца. Здесь — опять зима, пусть и ложная, но — снег и морозы.

Всего Вам и Вашим друзьям самого доброго, и пусть все будет хорошо — и ныне, и присно, и во веки веков!...».

Из письма 7: «19 апреля 1966 ..вновь прошу меня простить за долгое молчание: столько всего навалилось сразу — дел, болезней, обязанностей и прочего, что само понятие времени как бы исчезло из обихода... Насчет того микроматериала, который я Вам предложила (Исаакян — МЦ); для того, чтобы я смогла это осуществить, мне надо узнать о нем кое-что (я его только ви д е л а! очень давно!).. Даты его рожд(ения), смерти; его пребывания во Франции. Он эмигрировал или жил там просто так? Мне надо расположить свои восп(оминания) конкретно во времени (помню, что это были 30-е годы). Неопубликованные у нас стихи МЦ относятся в основном к чересчур раннему периоду (насчет публикации и стихов) — но об этом — т. е. о стихах 30-х годов, надо будет еще подумать. Есть ли у Исаакяна стихи о Париже? о Франции? Интересно было бы подобрать стихи обоих поэтов, как-то тематически перекликающиеся (беру здесь Париж, Францию шире, чем географ. понятие; м. б. — как понятия чужбины, что ли)... 2—3 стихотворения я бы (по хорошим подстрочникам) попыталась перевести. Подумайте и ответьте мне; до 10—15 мая я в Москве, после этого — в Тарусе (Калужская обл., г. Таруса. 1-я Дачная 15). Насколько представляю себе, могла бы этим заняться в июне-июле. Вообще — уйма, гора дел — материнских, своих, чужих и просто — бытовых, и самый дефицит — время!..».

Само собой разумеется, что со стороны журнала была проявлена живейшая заинтересованность в «микроматериале» А. С. Эфрон, более того — было предложено сопроводить публикацию воспоминаний о встречах Цветаевой с Исаакяном подборкой стихотворений обоих

поэтов. В своем письме я просила тогда Ариадну Сергеевну подобрать для нас несколько стихотворений Цветаевой и самой же перевести для такого случая несколько стихотворений Исаакяна. К сожалению, вторая часть замысла не осуществилась, оставив, однако, свой след в письмах.

Письмо 8: «12 июля 1966 ... не я ли в свое время высокомерно «учила» Вас отвечать на письма, а сама застряла в таком долгосрочном ухабе, что просто стыдно, и оторопь берет. Конечно, куча всяких обстоятельств и причин, более или менее веских; «тем не менее однако» ответить Вам можно и нужно было, а я прокопалась до сего дня. Один долгий и нудный перевод у меня — во времени — натолкнулся на другой такой же, вот и расхлебываю их в отупении и усталости; дни — Таруса—не Таруса, Москва—не Москва — полны суеты; да что распространяться, думаю — у всех так же и то же.

Спасибо за сведения об Исаакяне, они во многом, и в частности в датах, совпадают с тем, что помню; (увы, то, что помню /о нем/ — в основном образ, который еще предстоит «воплотить в слова»).

А образ — на фоне того Парижа, и того дома, где они, т. е. Исаакян с мамой встречались, — интересен и своеобразен; потому-то и запал в память, и сохранился, несмотря на то, что стихи свои он читал на непонятном языке; интересно, что теперь, столько лет спустя, встретились и со стихами (пусть это не прозвучит наивно: встретиться с ними можно было и раньше, но — всему свое время!).

А напишу, и переведу (если последнее удастся, пока еще не разобралась в ритмах стихов!) ближе к осени; после свих тяжелейших переводов хочу устроить хоть небольшой «перекур», проветрить голову и самой хоть чуть отдохнуть. Постараюсь все это сделать на свежую голову, авось получится, а не получится — где наше не пропало!..

2—3 стихотворения МЦ подберу из не вошедших в книгу (не втиснувшихся!).

Из письма 9: «24 декабря 1966 ...С Новым годом.. Пусть он будет мирным и пусть мы будем здоровы — остальное сумеем — как всегда — сами! /.../ В январе надеюсь закончить свои переводы и тогда напишу обещанное; а там — что Бог даст!..».

Письмо 10: «1 мая 1967 ...примите мои запоздалые поздравления с двумя весенними праздниками, запоздалую благодарность за чудесного Белого⁹ и запоздалые извинения за все мои запоздания. Жизнь — сумасшедшая, я, наверное, тоже, в том смысле, что за все хватаюсь и ни на что меня нехватает.. Кусочек воспоминаний об Исаакяне и маме высылаю Вам на самых днях (сейчас заканчиваю); называться будет «Самофракийская победа»; вышлю и репродукцию этой победы (статуи в Лувре). Что до стихов, то я сейчас совершенно не в состоянии переводить — и по времени, и по состоянию гипертонической головы. М. Б. и так, «всухую», пройдет? Здесь я до 15 мая, потом — Таруса. Всего Вам самого доброго и еще раз спасибо за все...»

Письмо 11: «10 мая 1967 ... посылаю Вам свою убогую мазню (служенье муз не терпит суеты — и требует само собой разумеется, таланта, у меня же — лишь суета; в переизбытке!). Посылаю мамин цикл к Ахматовой; 4 стихотворения оттуда (помеченные десятками), вошли в последнюю книгу, 7 остающихся были опубликованы лишь в давнем-предавнем сборнике «Психея», т. ч. фактически никому сейчас неизвестны. М. б. они—весь цикл или «в розницу» — подойдут, Вам для «русского» №—ибо—русский поэт о русском поэте. В общем, посмотрите. Посылаю и снимок «Самофракийской победы»; если хвостик

⁹ Имеется в виду очерк Андрея Белого «Армения», фрагменты которого вместе со страницами писем Белого к Р. В. Иванову-Разумнику были напечатаны в январском номере «Литературной Армении» за 1967 г.

воспоминаний моих подойдет вам, то можно иллюстрировать этим снимком; так или иначе, подойдет или нет. Вы мне его, пожалуйста, в свое время возвратите, т. к. добыла его не без труда (из самого Парижа) — и хочется, чтобы он у меня остался.

В Москве я буду до 20—23 мая, а потом — в Тарусе, к-ая нынче добра не сулит — очень стало многолюдно, а мне работать надо. М. б. махну оттуда в Прибалтику — ну, это видно будет.

М. б. совпадем с Вами. Спишемся.

Всего Вам доброго!..»

Письмо 12: «28 августа 1967 ..спасибо и за «Армению» с Буниным, и за тексты вместо верстки, и за гонорар, и за справку, и, главное, за дружеское отношение, которое стоит за всем этим. Тексты вышлю в ближайшие два дня, чтобы они у вас были в первых числах сентября (хотя, вероятно, стихи Вам понадобятся позднее, т. к. они — для следующего №). Вас же еще раз буду «беспокоить» (как у нас любят говорить) по поводу справки о гонораре, которая оказалась «не по форме» — Собес ее не примет. Если не трудно (и если трудно — тоже) перепишите ее, ради Бога, по следующему трафарету /.../

Пожалуйста, вышлите мне ее поскорее, на тарусский адрес — а то сроки теснят и берут за горло.

Как и все в жизни.

Жаль, что мы с Вами не совпали в этом году, вернее — этим летом; никуда мне выбраться не удалось, сидела я в Тарусе; Бог даст, будем живы — приедете Вы к нам в будущем году, погуляем по нашим, еще пока привольным, местам; буду я пенсионеркой, существом цивильным и цивилизованным (опять же если Бог даст!).

Спасибо за приглашение побывать в Армении; очень хочется; но надо будет собраться с силами и с деньгами — и того и другого кот заплакал.

Всего Вам самого доброго!..»

Письмо 13: «16 октября 1967 ..так завозилась со всеми своими пенсионными и переездными — из Тарусы в Москву (небольшое расстройство, но хлопот и возни много!) — делами, что до сих пор не поблагодарила Вас за гонорар (авансом), справку об оном, чрезвычайно интересные № «Лит. Армении», а главное — за действительность Вашего доброго отношения. Ох, как хорошо, когда не на словах, а на деле, и как не часто случается!

Все, слава Богу, и тьфу, тьфу не сглазить, в порядке: пенсия моя благополучно оформлена, и армянский гонорар помог дотянуться до максимальной: 120 «тугриков» в месяц; лучше (выше) бывает лишь у богов и героев.

Сейчас пытаюсь навести порядок в своем московском гнезде (которое сейчас, по приезде из Тарусы, скорее напоминает гнездо воронье, чем чье-либо еще!), а потом потихоньку опять же за работу: переводы Верлена так и не одолела за лето (надоело переводить, сам процесс перевода осточертел!) — работа над архивом матери; и самой писать необходимо; вернее — не писать (это слишком громко сказано!), а записывать неповторимое и невозстановимое, что хранится в памяти и в сердце. Пенсия-то дается по старости, об этом нельзя забывать, а время с каждым годом уходит все быстрее; с ним и силы, и сама память.

Не собираетесь ли в Москву? Пора и встретиться нам, правда? Всего, всего самого доброго Вам и Вашим соратникам, и еще раз за все спасибо!..».

Письмо 14: «14 ноября 1967.. пребольшое спасибо за праздничный подарок — сигнал восьмого номера! Авось, за сигналом и сам поезд покажется... С огорчением убедилась в том, что писала я много (в смысле долго), а получилось мало — (в смысле коротко). К тому же, верно, вы мне здорово переплатили за эту куцость.

Я очень рада, что проклюнулась именно в вашем журнале: где

бы еще нашему верблюду не то, что в ушко — в открытые двери попасть! Спасибо вам всем. Пришлите, Христа ради, столько номеров, сколько сможете, и столько же сверх того (налож. платежом!). Хочется послать маминим старым друзьям (той же Саломее¹⁰, в частности) — которые ее узнают. Очень хочется.

Всего Вам самого чудесного. Пусть все будет хорошо!..»

Из приведенных писем видно, как написался и как появился в свет («проклюнулся» в полюбившемся А. С. Эфрон журнале) первый «кусочек» воспоминаний дочери Цветаевой. Пользуясь образным выражением самой А. С. Эфрон, скажем, что эта первая мемуарная публикация прозвучала и была воспринята как своего рода «сигнал», за которым ожидался и появился со временем «поезд», а именно — напечатанные журналом «Звезда» «Страницы воспоминаний» (1973, № 3) и «Страницы былого» (1975, № 5). Как отмечает М. И. Белкина, «Ариадна Сергеевна считала, что это только журнальные варианты, наброски. так сказать, подступы к той книге, которую она хотела посвятить матери и которую не успела написать»¹¹. И все же все эти мемуарные страницы, дополненные разделом «Из записей и писем...» и перепиской с Б. Пастернаком, образуют сегодня прекрасную книгу — «Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой».

Следующее письмо написано по получении экземпляров восьмого номера «Литературной Армении». В этом номере оказалась и рубрика «Страницы русской поэзии», под которой, в частности, были помещены два стихотворения Арсения Тарковского, одно из них — посвященное Цветаевой. Ниже дается текст стихотворения, поскольку с ним очень конкретно связано содержание письма: —

* * *

Друзья, правдолюбцы, хозяева
Продутых смертями времен,
Что вам прочтала Цветаева,
Придя со своих похорон?

Какие над Камой последние
Слова ей на память пришли
В ту горькую, все еще летнюю
Горючую пору земли,

Присыпаны глиною волосы
И глины желтее рука,
И стало так тихо, что голоса
Не слышал я издалека.

Солдат на войну провожающей
И вдовой, как родная мать,
Земли, у которой была еще
Повадка чужих не ласкать?

Быть может, его назначение
Лишь в том, чтобы, встав на поски,
Без роздыху взять ударение
На горке нечетной строки.

Всем клином, всей вашей державою
Вы там, за последней чертой,
Со всей вашей правдой неправою
И праведной неправотою.

Письмо 15: «27 ноября 1967 ..10 экз(емпляров) журнала получила, огромное спасибо! Уже разослала маминим друзьям; спрос же на журнал явно превышает не только наличие, но просто весь тираж! У меня остался 1 экз. архивный, и, о ужас, не снабженные мною родственники: две отцовых сестры, одна мама, одна невестка (жена маминого брата Андрея), ленинградские, московские и павлодарские кузены! Внучатых племянников уж и не считаю. Ну, авось рассосется (их досада). Зато «мои» экземпляры (т. е. Вами присланные) ушли во Францию, в Англию, в США, в Швейцарию и даже в Мексику — знай наших!

Мне что-то ужасно не понравились стихи Тарковского; Вы их внимательно читали? И как Вы их понимаете? Что значат слова о «родной матери—земле, у к-ой была еще повадка чужих не лас-

¹⁰ Андроникова-Гальперн Саломея Николаевна (1888—1982). См. «Самофракийскую победу», в кн.: А. Эфрон. О Марине Цветаевой, с. 227, а также примечание к ней, с. 467.

¹¹ В той же кн., с. 29.

кать»? Кто — чужой? Цветаева, очевидно? Но русской земле, какие бы у нее(?) ни были «повадки» — МЦ никогда не была чужой! Уж если и была «повадка» у русской земли в сталинские времена, так это — принимать своих за чужих; о чем и следовало сказать, уж коли взялся за перо; а не можешь, не смеешь сказать — так помолчи. Уж воистину, не «расслышал издали» автор цветаевского голоса, если считает, что его (голоса) назначение — заставить Тарковского, встав на цыпочки, отсчитывать чет-нечет строк? Или, что еще хуже — сам голос «встает на носки»??

К кому обращена последняя строфа? Уж не к нашему ли Союзу писателей, судя по завершающим строкам? Какая ужасная — в творчестве — вещь неточность! Мысль может быть выражена сложно или просто, но должна быть выражена точно!

«Точность — вежливость королей», гласит франц. поговорка (т. е. именно король обязан не опаздывать!), но ее можно расширить: точность — вежливость поэтов. По отношению к читателю; по отношению и к собственному таланту /.../

Жизнь трудна. Хорошо, что об этом не догадываешься смолodu, и какие-то годы живешь просто душно!

Всего Вам самого доброго! До встречи этой зимой — к-ая у нас началась всерьез..»

В связи с «критикой» этого стихотворения, справедливость которой трудно не разделить, заметим, что сам А. А. Тарковский, издавая впоследствии свои поэтические сборники, в каждом из которых были и стихи, посвященные Цветаевой, этого стихотворения в них не включал.

Письмо 16: «14 декабря 1967 ...спасибо самое сердечное за Ваши щедроты; за письмо; Вы все понимаете; это — редкий дар по нашим временам. Пишу Вам сейчас буквально два жалких слова — тяжело больна моя горячо любимая тетка — сестра моего отца, последняя моя живая связь с семьей, и я в тяжелой тревоге и в полной беспомощности перед этим агрессором. Стараюсь делать все, что возможно — и столько же сверх того. Коротко время наших обретений в жизни, и бесконечно время потерь. Обнимаю Вас, будьте здоровы и пусть все будет хорошо. Дайте знать, когда будете собираться в Москву — повидаемся...»

В январе 1968 года — «повидались», я побывала у А. С. Эфрон в Москве, в дальнейшем, в мои приезды в Москву, были еще встречи, продолжалась и переписка.

Письмо 17: «28 марта 1968 /.../ жизнь — сплошная кутерьма, и не из приятных, в общем-то. Впрочем, все дело, очевидно, просто в возрасте. Как говорил Михаил Светлов — «в двадцать лет мир населен двадцатилетними, а в пятьдесят — пятидесятилетними... и т. д. Свое поколение — и старшее — сейчас только и занято болезнями да похоронами, и в таком «ритме», что, кажется, ни на что больше у него (поколения!) и времени не остается. Кроме как на унылое приготовление пищи — ибо быт всегда себе время найдет.

Относительно Волошина — что Бог даст... Сейчас вообще времена усложнились несколько (авось, рассосется!). Впрочем, к МЦ, по видимому, и тыфу-тыфу не взглянуть, эти усложнения не относятся. Хватит с нее и собственных сложностей. Так или иначе, если решите публиковать, то учтите, что можно подобрать и «форточки» для иллюстрации (хорошие портреты Макса есть, и ряд коктейльных снимков того времени, где мои молодые родители). Может получится интересно. Поживем — увидим!

У вас там, верно, уже весна? У нас она в стадии унылого таяния снегов, противоречивых ветров и перемежающихся «осадков в виде». Иногда выпадают и солнечные дни, и тогда даже наши писательские, аэропортовские, казармы выглядят вполне оптимистически. Но уже хочется на волю, на воздух, и никак не дотягивается последний Верлен. Как мы ни надоели друг другу, но все же несколько переводов полу-

чилось «на высоте». Но перевожу я теперь настолько медленно и настолько «со скрипом», что материально это не оправдывает себя, а моральное удовлетворение можно (и нужно) извлекать из другого. Спасибо за виды Армении! Конечно же, она должна быть лучше на самом деле. Вынимаю открытки, вынула две вместе, и поэтому, рассматривая памятник Давиду Сасунскому, на обороте не без удивления и не без восхищения с мелостью скульптора, прочитала: «Памятник В. И. Ленину». Крепко обнимаю Вас...»

Из письма 18: (писано из Тарусы в Москву) «20 августа 1968... надеюсь, что эта весточка еще застанет Вас в Москве, и моим пожеланиям счастливого пути и благополучного прибытия не придется догонять Вас в Ереване. Мы с А. А.¹² очень были огорчены и Вашим появлением в Тарусе, и Вашим молчанием — «комнатка с видом» на Оку и окрестности, маленькая комнатка с большим кругозором, тщетно прождала Вас; правда, июльская погода не баловала, зато август был весь в солнечных просветах, и Таруса выглядела отнюдь не мокрой курицей. Ну что же, еще раз сочтем, что у нас все — впереди, и что Ваша встреча с Тарусой и с тарусянами все же состоится /.../ Теперь: надо ли для вас... писать про Бунина? Если да, то какой объем, размер, длина, срок и т. д. Если нет, то — плакать не будем! И «да» хорошо, и «нет» — хорошо!..»

Небольшое пояснение к последнему вопросу в письме: А. С. Эфрон, очень высоко ценившая Бунина как писателя, имела к тому же и личные воспоминания о Бунине во Франции 30-х годов; в одну из наших встреч она так много и так содержательно, интересно рассказывала и размышляла о Бунине, что я стала усиленно ее уговаривать, настраивать на то, чтобы эти рассказы и размышления были ею «написаны», к тому же — для «Литературной Армении», на страницах которой уже печатались рассказы Бунина, печаталась и сама А. С. Эфрон. К тому времени, когда мне задан был вопрос «про Бунина», ситуация в журнале сильно изменилась, и мы с А. С. Эфрон сошлись на том, что «...и «нет» — хорошо».

Из письма 19: «28 сентября 1968 ...вернувшись в Москву после некоей мини-поездки на пароходике — по Волге, Оке, Москве-реке, в компании неких левых и абстрактных!!! художников, нашли Ваше письмецо и журналы (№№ 5, 6 «Лит. Армении», с прозой Цветаевой о Волошине «Живое о живом». — Н. Г.), за которые премного благодарна; каждая (или почти каждая!) мамина публикация — благо, в эти такие пасмурные, такие осенние дни тем более! Жаль, конечно, что сокращения и опечатки, но без них, увы, (почти) не бывает; не только в публикациях, но и в жизни!

Одним словом, большое спасибо маленькой Армении (Литературной!) — и Вам, тоже росточку небольшого; но не в длине дело!

Сейчас звонила Аня (А. А. Саакянц. — Н. Г.), укладывающая чемодан для поездки в Ваши солнечные края; а когда придет эта записочка она, Аня т. е., уже точно будет знать, то ли она уложила в этот самый чемодан, что требуется — по армянскому климату и обычаям... Я же собираю две тяжеленные сумки в Тарусу, куда отбываю завтра; сама Таруса мне мила по любой погоде, но увы, не дорога с пересадкой и с вышеназванными сумками; плохо стали мне служить руки-ноги, нет былой резвости: укатали Сивку крутые горки. А жаль, ох как жаль!

Спасибо Вам самое сердечное и за приглашение; ужасно хотелось бы побывать на Вашей земле, под Вашим солнцем, но чувство тоскливого неудобства «садиться на шею» Вам, Вашей маме и мне с Вами...

---

¹² Ада Александровна Шкодина, очень близкая (еще с лет, проведенных вместе в Туруханском крае) приятельница А. С. Эфрон, жившая обычно вместе с нею в Тарусе.

сильнее прочих чувств и желаний... Обнимаю Вас, желаю всего, всего самого доброго!..»

За этим следуют 4 открытки, которые опускаются, и далее —

Письмо 20: «21 ноября 1969 ...не думайте, что я Вас забыла, раз не пишу, как я не думаю, что Вы меня забыли, раз не пишете. Просто жизнь становится все теснее, все глуше (моя жизнь, а не жизнь вообще!) и на такую роскошь, как письма, не остается досуга. Время-то есть, все те же 24 часа в сутки, но меж ними — часами и сутками, не набегает и нескольких минут душевного покоя, равновесия, тишины (внутренней) — когда сосредотачиваешься на своем. На своих.

Все время что-то делаю. а сделанного — нет! Часы съедаются, выпиваются, стираются пыльной тряпкой, сметаются веником, рассасываются, растворяются — и никто в этом не виноват, кроме меня самой..

Воображаю, как Ваши дни чудесно заполнены подрастающей дочкой, как много нового несет с собой существо, в первые познающее мир, существо, для которого все — впервые! И сколько же хлопот и забот вокруг этого существа! и тревог, и радостей!

Пожалуйста, тряхните стариной, возьмитесь за перо и напишите мне хоть два с половиной слова о самом хотя бы насущном: как дела? Как здоровье всех вместе и каждого в отдельности? Кто чем занят, и что из этого получается? Как и где провели лето? У нас оно было настолько холодным, что такого не запомним; если бы его смешать с вашим летом, разделить пополам, то было бы всем неплохо; а так, верно, у вас, как всегда, было слишком жарко, а у нас, как никогда, холодно. С А. А. и Аней ездили в июле «погреться» на Север, для разнообразия; до Архангельска поездом а оттуда на стареньком колесном пароходике по рекам Сухоне и Сев. Двине; повидали много старины прелестной — деревянные церковки, часовники, белокаменные соборы и палаты, древние села, так не похожие на российские (у нас все на хлебопашестве держится, а там не сеют и не жнут — лес кормит! и еще — скотоводство на естественных пастбищах!) — земля и щедрая, и скупая, и баснословные грустные пейзажи под огромным небом.. Погода не баловала и там—только Великий Устюг, сказочный городок, не пронутый «цивилизацией», был озарен и одарен солнцем и напоминал ту Москву, в которой я родилась... но отнюдь не ту, в которой умру! /.../.

Всегда с нежностью вспоминаю вашу «Лит. Армению»¹³, думаю о том, как важно, когда люди, на отведенном им судьбой «участке» (не то слово, но не найду другого, тороплюсь!) работают от всей души! На том и стоит мир — испокон веков и навечно; а то, что не от души и чего так (количественно) — много,— превращается в прах; и никуда от этого не денешься, а в какие бы цвета радуги ни окрашивался этот прах...

Крепко обнимаю Вас, всего, всего Вам и иже с Вами самого доброго и радостного!..».

Из письма 21: «15 декабря 1969 ...Тут все идет своим чередом. Зимы, слава Богу, пока еще нет, запаздывает она со своими снежными покровами и морозами на добрых полтора месяца; правда, она свое возьмет, как всегда, а пока что можно нос высовывать наружу без страха отморозить его, и то хлеб. Меня, правда, не столько нос беспокоит, сколько ноги, из-за нарушенного кровообращения совсем не могу ходить, каждый шаг за пределами дома — проблема, сколько шагов, столько и проблем, а шагать-то еще ох, как надо! Пока бегала прытко и не задумывалась над старостью, оказывается — вот она, и уже сует мне свои костыли: одиночество и беспомощность! Огляделась

¹³ В порядке пояснения к этой фразе отмечу, что к этому времени я и мои ближайшие коллеги расстались с журналом.

кругом и — пусто. Настоящих близких уже нет на свете, а новые — не выросли, и уже не вырастут. Что делать, таков закон!

Я вполне оценила Ваш ответ (совет)... — мол, сами занимайтесь материнскими делами! Я и занимаюсь. — по мере сил и разумения; но беда в том, что «век уж мой отмерен» и силы — на исходе, а каждому делу нужен наследник, и каждой такой ноше — молодое плечо...»

Из письма 22: «5 января 1970 ...Новый год мы с А. А. было размахнулись провести в гостях, у милых и давних друзей по приполярным скитаниям (и полярным сияниям!), но, слава Богу, вовремя вспомнили, что тут неподалеку пребывает в тоске и мраке одна моя, тоже давняя, приятельница, в прошлом году потерявшая мужа. Мы все «переиграли», пригласили ее к нам и провели новогодний вечер втроем, под сенью (негустой) елочки; негустая была сень, а елочка все же пышная и милая. Хорошо было оказаться Дедом Морозом хотя бы для одного человека, и хотя бы на один вечер рассеять его печаль и непоправимое одиночество!

Присланные Вами журналы просто ошеломили меня; по-моему, Вы сумели прибрать к рукам — разными методами и в таинственные сроки — весь тираж, или почти. Это богатство, столь щедро подаренное Вами архиву и мне, сделает много счастливых!..

Нынче, под Новый год в магазинах наших оказалось такое множество приезжих покупателей с большими мешками, что нерасторопные москвичи (те из них, к-ые оказались нерасторопными, вернее) — остались лишь при своем недоумении, которое, кстати, раздалось бесплатно. Таким образом много средств сэкономили жители столицы. Тем не менее пьяных оказалось предостаточно: «Я тебя уважаю... ты меня уважаешь?» так и звучало по всем переулками; а один раз довелось даже услышать знаменитое «читайте, завидуйте!», доносившееся из-под забора. Но я мало выходила (холодно было и ноги болят...!) и поэтому фольклора не набралась — Бог с ним; на мой век хватит и предшествующих (фольклоров). А жаль, что больше нет нашего журнала¹⁴. Правда, жаль...»

Из письма 23: «7 ноября 1970 ...не буду распространяться на тему обоюдного нашего «молчания» —мы обе заметили, что так оно и есть, т. е. молчим, брат, молчим! — и отлично знаем — почему! Времени нет; времени вообще нет, оно больше не существует в недавнем своем, многовековом, значении; есть какие-то заменители его, но мы с Вами не умеем к ним применяться...

Спасибо Вам пребольшое за чудесный Ваш подарок — миниатюры (большой альбом «Армянская миниатюра» 1967 года издания. — Н. Г.); он только недавно до меня дошел, т. к. я упростила Аню не везти эту прелесть в Тарусу, в авоське и в сопровождении трески (мороженой и потому оттаивающей) и прочего хлеба насущного. Красота несказанная — как и всякая красота... Спасибо сердечное...»

Письмо 24: «10 февраля 1971 ...являюсь к Вам с повинной головой — из тысячи попыток раздобыть Вашего Сарояна¹⁵ в «высокоорганизованном кап. мире» не вышло — пока — ничего. Та прелестная женщина, преподаватель Сорбонны и прочая и прочая и прочая, к-ая так обнадеежала меня, нахлынула вчера на мою шею прямо из Парижа, намереваясь поработать со мной в течение полутора месяцев (!) над своей докторской диссертацией (существующей пока лишь у нее в голове) и посвященной все му творчеству МЦ, с которым она знакома лишь наполовину и в самых общих чертах... итак, нахлынула,

¹⁴ Не следует понимать в буквальном смысле, журнал «Литературная Армения» как таковой продолжал издаваться.

¹⁵ В эти годы я начала работать над диссертацией по творчеству Уильяма Сарояна, и А. С. Эфрон, принимая во мне участие, старалась через какие-то зарубежные свои связи раздобыть для меня последнюю из выпущенных тогда Сарояном книг «Письма с улицы Тэйбу, 74» (1969),

и не только не привезла означенного Сарояна, но и сказала, что без точной справки, когда, где, каким издательством выпущена, книги этой не достать ни на этом, ни на том полушарии. Надо признаться, что у нас в отношении книг и в отношении отношения к ним дела обстоят куда интеллигентнее... Правда, я просила об этой же книге еще одну даму, приезжавшую сюда из Штатов гостить к родственникам, она тоже обещала все на свете и записала в книжечку... но возвращается она восвояси после того, как посетит несколько стран Вост. Европы, побывает в Германии, где купит себе юбки подлиннее, а потом в этих юбках наведается во Францию, где эти же самые юбки дороже (экономия!) — а уж оттуда домой; не сомневаюсь, что в дороге она где-нибудь посеет свою зап. книжку, а также и благие намерения услужить дальнему ближнему своему. Тем более, что возраст у нее порядочный, а таким образом и память — склеротическая.

Остальные, еще менее надежные, заброшенные мною удочки и все лежат без движения, не шевеля псплавком...

Как-то вы там все живете, солнечные армянцы, и что у вас хорошего? Тут все течет, все меняется, и опять течет; сперва всю зиму текло буквально, а сейчас начались 20—25° морозы, боишься и нос высунуть наружу, а приходится...

Обнимаю Вас сердечно... Ваша печальная АЭ».

С началом этого письма напрямую связывается начало книги В. Лосской «Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников», вышедшей с посвящением памяти А. С. Эфрон (М., 1992). «...Когда я приехала к Ариадне Сергеевне в первый раз, 1 февраля 1971 года... первыми ее словами были слова упрека, что я... явилась с опозданием на 5—10 минут; кроме того, я не разыскала в Париже ту книгу американского писателя, которую должна была ей из Франции привезти... После несколько охлаждающей встречи Ариадна Сергеевна продолжала изучать меня, от чего я все больше робела, и наконец сказала: «Так вы собираетесь работать над Мариной Цветаевой? А вы можете сказать, что вы понимаете ее до конца?—??— «Так что же вы тогда собираетесь изучать? Для того чтобы изучать, надо понимать ее всю, до конца, а если вы не понимаете!.. Только я понимаю и знаю ее до конца...». Естественно, после такого вступления я решила, что делать мне тут больше нечего, время беседы истекло, остается тихонько собрать тетрадки и на цыпочках удалиться. Но в этот момент А. С. встала, провела меня в другую половину комнаты и показала несколько закрытых створчатых шкафчиков с «Архивом Цветаевой». Потом она меня усадила за большой стол и начала наставлять... Затем последовали длинные рабочие дни моей шестинедельной командировки. А. С. вызывала меня к себе каждые два-три дня к 12 и, не отвлекаясь, работала со мной до 10—11 часов вечера».

В непосредственном контакте, в беседах, в работе с А. С. Эфрон, с великой самоотдачей отозвавшейся интересам исследовательницы, Вероника Лосская успешно прошла «интенсивную школу» цветаеведения и на сегодня уже внесла в него серьезный вклад. Кроме вышеуказанной книги, ей принадлежит также монография «Творческий путь Марины Цветаевой» (Париж, 1987, на франц. яз.).

Письмо 25: «17 декабря 1972 ...С наступающим Новым годом... Всего, всего самого доброго и радостного !.../ — главное же — будьте все здоровы (чего и себе желаю!) Минувший год помянуть особенно нечем; мамино 80-летие замолчали, не дали восстановить (дополнить) цветаевскую комиссию по лит. наследию, по-видимому, считая, что эти «мероприятия» не гармонируют с 50-летием СССР. М. б. в будущем году в этом отношении будет полегче; посмотрим; публикаций фактически тоже не было, за исключением одного стихотворения в ленингр(адском) «Дне поэзии» (публ. Орлова), было и второе, но из-за строчки «Мы с Россией — тоже бабы» редколлегия не приняла... Еще опубликовано немного переводов Пушкина на франц. в выходя-

шем у нас журнале «Oeuvres et Opinions» (№ 9, 1972) — вот и все. Нет поэта в своем отечестве!

...Напишите словечко, как вы все — надеюсь, что все «нормально...»

Письмо последнее. 26: «17 декабря 1974 ... С еще одним наступающим... Для вас прошу у Нового года, чтобы он принес вам много нового и хорошего, для себя — чтобы не отнимал того, что остается. Как повелось у нас, увы, давно — еще, верно, с тех новогодних поздравлений, ничегошеньки о вас всех не знаю!...! Остается утешаться тем, что отсутствие новостей — добрые новости. Дай Бог, чтоб так оно и было. Если Вы были в нашей средней полосе прошлое лето, то сами убедились в том, что полоса оказалась ниже среднего — дожди и холода. «Зато» осень простояла золотой очень долго, и именно тогда, когда все вернулись с летних квартир на зимние. Что до зимы, то и она что-то «воображает из себя» не то, что должно было бы наличествовать. Снега совсем нет, что, как известно, плохо для урожая (будущего)... Я живу помаленьку, осаждаемая болезнями; они-то и заставили меня очень и очень вплотную заняться материнским архивом, перед передачей его государству (в лице ЦГАЛИ) на вечное хранение. Хочется сделать это, как говорится, заживо, а для того, чтобы расшифровать все мамины скорописи, тайнописи и сокращения и все прокомментировать, надо еще с десятков лет не только прожить, но и проработать, а вот на это (отсюда стрелка к «прожить» — Н. Г.) рассчитывать никак не приходится. В общем, пока тороплюсь и стараюсь, а там будет видно то, что будет видно!...! Посылать в Армению плохо репродуцированного Сарьяна (письмо на двойной открытке с натурмортом Сарьяна. — Н. Г.) — попытка юмора. Крепко обнимаю Вас. Всего самого доброго Вам и Вашим в наступающем году!..»

А. С. Эфрон скончалась в Тарусе 26 июля 1975 года.

«И теперь там, в Тарусе,— как пишет М. И. Белкина,— у сероголубого камня, у ее могилы, всегда останавливаются туристы, приехавшие издалека в автобусах, пришедшие пешком. И экскурсовод рассказывает им о Марине Цветаевой и об ее дочери, Але!».

Четверть века тому назад, настраиваясь «воплотить в слова» — специально для журнала «Литературная Армения» — свои воспоминания о встречах Марины Цветаевой и Аветика Исаакяна, А. С. Эфрон сказала в своем письме так: «Я думаю, каждая крошка о нем дорога». Мне же сегодня думается, что дорога и та «крошка», которую мы можем добавить из Армении к публикациям, посвященным Марине Цветаевой и ее дочери Ариадне Эфрон.

Ն. Ա. ԳՈՆԶԱՐ — 1960-ական թվականներին «Լիտերատուրեայա Արմենիա» ամսագրում տպագրված ցվետայան էջերի շուրջ՝ Ա. Ս. էֆրոնի նամակների հրատարակմամբ. — 1992 թ. սեպտեմբերին լրացավ XX դարի ուսմեծահոշակ բանաստեղծ Մարինա Յվետականի ծննդյան 100-ամյակը, գրական մի տարեդարձ, որն արժանանում է միջազգային լայն արձագանքի: Այդ արձագանքին իր մասնակցությունն է բերում հեղինակը, ներկայացնելով և դնահատելով Յվետականի ժառանգության վերադարձման ու լուսարանման գործում հատկապես նրա դստեր՝ Ա. Ս. էֆրոնի խաղացած խոշոր դերը, հրատարակելով նրանից ստացած 26 նամակները: